

ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:

Принцесса Намонаки
Мария Сакрытина

Пленница Тайного сада
Леа Рейн
Продолжение следует...

Золотая орхидея
Роу Мэй
Продолжение следует...

РОУ МЭЙ

ЗОЛОТАЯ
ОРХИДЕЯ

Freedom

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М97

Иллюстрация на обложке *Selann*

Художественное оформление *Татьяны Козловой*

Мэй, Роу.
М97 Золотая орхидея / Роу Мэй. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с.— (Young Adult. Небесный дракон. Азиатское фэнтези российских авторов).

ISBN 978-5-04-199935-3

Руми — девушка-феникс, уязвимая перед огнем. Огненная сила в ее жилах рано или поздно сулит погибель. Единственная надежда отвести злой рок — мистический цветок, целебная Золотая орхидея в храме Великих Духов, что хранит жизнь Руми. Но могущественный демон нападает на храм и крадет драгоценную реликвию, убивая тех, кто дорог фениксу. Чтобы выжить, Руми отправляется на поиски орхидеи вместе с двумя говорящими тиграми и купцом-сказочником Ханумом. На пути ей встретятся Дер-Су, драконий князь из знаменитого рода, и Симерион, сын царя фениксов. Кто-то из них должен помочь ей победить главное зло, порожденное Ядовитой Скверной, и разгадать тайну злого гения Адзуны, превратившего мир Духов в величайший кошмар...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199935-3

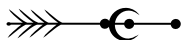
© Роу Мэй, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

На холодных камнях лицом вверх лежал феникс по имени Коуршан. У него больше не было сил, чтобы согреться. Снежинки касались его бесчисленных ран и окрашивались алым. Горячее дыхание остывало. В глазах мерк дневной свет.

Коуршан не знал, как высоко забрался в горы, сколько дней или даже недель он блуждал. Границы времени давно стерлись. Где-то внизу раскинулись рощи благородных деревьев, но Коуршан не помнил живой природы. Только черное, ядовитое пламя, поглотившее его город. Только обугленные руины. Тысячи жителей долины сгинули в проклятом огне.

Коуршану долго казалось, что его преследуют красноглазые чудовища, сотканые из теней. Он падал от изнеможения, засыпал, потом вскакивал и вновь бежал. Обувь он давно истоптал, дорогую одежду — изорвал в лохмотья. Здесь, среди голых серых скал, наконец-то смолкли голоса в голове. Мертвая тишина окутала мир. Милосердное небо накрывало саваном изувеченное тело феникса.

В полудреме он видел счастливые лица вечно юных сородичей. Коуршана звали присоединиться к огненной пляске. Фениксы не боялись пламени, более того, имели над ним власть. Так было... К Коуршану подошел высокий феникс, чей облик был смазан, как отражение в мутной воде. Только никакая пелена не могла скрыть его жуткий взгляд, эти отвратительные глаза! Высокий феникс махнул рукой, и огонь почернел. Танцующие сородичи скрючились, а затем с дикими воплями попадали на землю, пытаясь себя потушить. «Адзуна!» — прозвенел в ушах Коуршана его собственный крик, и темнота поглотила все образы.

Снегопад прекратился. Ледяное дыхание гор сменилось теплым ветром, принесшим ароматы неизвестных цветов. Послышался звон колокольчиков, далекий и неземной. Все вокруг преобразилось до неузнаваемости. Небо стало ясно-голубым, а вместо голой стылой земли под Коуршаном раскинулся луг. Мягкая сочно-зеленая трава стелилась ковром до края плато.

Прямо под ладонями распускались цветы. Коуршан резко убрал руки и потер глаза. Очередное наваждение? Или же он умер и очутился в Абероне — городе Духов.

Шмель сел на руку. Коуршан дрогнул, но не стал прогонять насекомое, только осторожно коснулся его пальцем. Настоящий мохнатый шмель. Настоящий и мир вокруг, наполненный живыми звуками. Тепло солнца проникло в сердце Коуршана, ослабив оковы страха и печали.

В центре луга было озерцо, посреди которого возвышался белый соляной столб, что казался утопленным в золоте из-за отражавшегося в воде солнца. Коуршан подошел ближе и замер. Обвив столб, к небу тянулась Орхидея с нежнейшими, почти прозрачными желтыми цветами, окутанными мягким светом. Коуршан не помнил, видел ли что-то настолько прекрасное за всю свою долгую жизнь. Над Орхидеей кружились чудесные бабочки, но они не садились на лепестки, словно считали себя недостойными прикоснуться к божественной красоте. Цветы не принадлежали этому миру, но отчего-то появились в нем.

Лиана уходила на глубину, к незримому основанию соляного столба. Склонившись к воде, Коуршан увидел над бездной свое отражение. Белоснежное лицо в царапинах и ссадинах. Под глазами лежали глубокие тени. У висков заперлась кровь. Длинные спутанные волосы коснулись воды, и едва видимый алый след потянулся

по зеркальной глади. Коуршан зачерпнул ладонями воду и умылся. Вместо влаги будто солнечный свет коснулся его кожи, и ноющая боль прошла.

Коуршан зачерпнул еще раз и, взвесив воду в ладонях, выпил, не почувствовав ни влаги, ни соли. Это был глоток энергии, которая разлилась по телу, проникла в каждую клетку и напитала ее. В тот же миг все раны затянулись. Коуршан долго разглядывал и ощупывал себя. Он не доверял чувствам, но каждую секунду убеждался, что не обманывается. Голова пошла кругом, а весь мир перевернулся. Источник не просто излечил тело, но и вернул желание жить. Коуршан понял, что неспроста чудо явилось ему, и всем сердцем возжелал разгадать эту тайну.

Вдруг цветы и стебли Орхидеи пожухли. Страх потерять прекрасный цветок превзошел страх перед водяной бездной, и Коуршан попытался ухватить свое сокровище. Он возненавидел себя за то, что своими руками погубил драгоценное творение, по глупости и малодушию истратил божественную благодать. Феникс неподвижно сидел на берегу озера и едва касался гибкой лианы рукой, надеясь оживить Орхидею магической силой. Так прошел день, затем второй. С водой озера смешались слезы Коуршана.

— Неужели, — обратился он к небесам, — неужели Орхидея здесь, только чтобы исцелить раны самого недостойного из фениксов? Невоз-

можно... Неру, Творец, позволь ей зацвести вновь, позволь принести большее благо...

Силы Коуршана иссякли, и, чтобы не упасть, он отпустил Орхидею.

То ли мольбы подействовали, то ли корни напитались слезами, но лиана позеленела и ожила. Коуршан слабо улыбнулся. Всю силу и волю он собрал в одно желание: укрыть Орхидею, защитить ради высшей цели.

Коуршан постоянно возвращался к заповедному месту. Озерцо, столб и Орхидея не исчезали. Миновала весна, отгремели талые воды в ущелье за чудесным лугом. Пылало лето, но нежные бутоны не распускались. Без золотых цветов вода в озерце стала горько-соленой и не исцеляла.

Коуршан убедил царя фениксов воздвигнуть рядом с лугом храм в честь Творца Неру и всех Великих Духов. Первый камень будущего святилища возложили в день рождения детей государя — близнецов Симериона и Диларам.

— За великими печалью приходят великие радости, — говорили царю подданные, и он соглашался. В тот год и в последующие родилось много детей.

Строительство развернулось грандиозное. Материалы для залов Великих Духов свозили со всех концов мира. Заповедный луг окружили стенами храма. Ни одна тень не падала на Орхидею, и только Коуршан мог пройти к ней. Ему не смели возразить, но недоверие ожесточило

сердца строителей. Будто назло, они работали медленно.

Дорогая стройка опустошала казну. Царь просил Коуршана повременить с планами, но тот, помня о своей изначальной цели, отказался.

— Все окупится тысячекратно, — говорил Коуршан, — если Духи позволят Орхидее цвести. Мы исцелим все раны, причиненные Казнью Мира.

Царь принял его доводы, но отправил одного из своих советников наблюдать за ходом строительства. Некоторые фениксы, и не только они, за дела прошлых лет называли этого советника Дознаватель.

Коуршан к гостю отнесся плохо, разговаривал с ним сухо, порой злобно. Присутствие Дознавателя тревожило болезненные воспоминания, а сомнения царя добавляли страданий измученной душе. Только посещая Орхидею, Коуршан успокаивался.

Спустя три года после рождения царских детей в храме началась служба, а Коуршан стал настоятелем. Окружающим казалось, что все время он молится в зале Неру, который находился на последнем этаже высокого храма.

В такие часы Коуршан думал о том, кто он такой. В холодной ночи он согревался пламенем в собственных ладонях. Власть над огнем, как и защита от любого жара, дарована фениксам Великим Духом Солнца Анариотом. Вели-

кий Дух Жизни Левантэ дала им знание языка зверей и силу заклинать растения. К этим способностям Коуршан прибегал редко: домашних животных не держал и ничего не взращивал. Но, как и все фениксы, он не боялся хищников и не носил оружия, полагая, что у него нет и быть не может врагов.

Коуршан пробудился на заре этого мира уже взрослым и владеющим всеми способностями. Однажды ему довелось видеть новорожденного феникса, окутанного пламенем, которое затем погасло. Через два десятка лет подросший сородич вновь загорелся и тогда подчинил себе огонь, а время потеряло власть над его телом. Коуршан узнал, что так происходит со всеми детьми его племени. Сильное потрясение способно прервать бесконечные лета юности феникса. Поэтому, когда неведомый прежде ужас ворвался в жизнь Коуршана, в черном пламени сгинул прекрасный феникс, а на его месте остался седой измученный призрак прошлого. Только слепящая надежда исправить былые ошибки не давала сойти с ума и заставляла заботиться о резко постаревшем теле.

Долгая жизнь накладывала и ограничения. По земле не могло ходить фениксов больше, чем задумано изначально. Чтобы кто-то родился — кто-то должен был умереть, а сородичи умирали редко, обычно многие столетия ничто на земле им не угрожало.

Коуршан не завел семью и посвятил жизнь служению Неру и Великим Духам. Теперь, когда многие погибли, родятся другие, но настоятель не станет родителем. «Ты трус и богохульник, — думал он, глядя на потолочный барельеф с Мировым Древом. — Неудивительно, что Золотая орхидея не цветет. Ты не заслуживаешь быть отцом».

Мысли утекали все дальше. Коуршан смотрел на знаки народов, вытесанные вокруг Древа. Если их объединить линиями, то получится правильный пятиугольник. Над каменной тюльпановой кроной горело солнце народа Коуршана и полумесяц эльфов. На другой вершине, под знаком фениксов, лежал огненный треугольник драконов, напротив которого отпечаталась узорная лапа оборотней. Оба символа — на высоте середины ствола. Внизу, под корнями — знак людей. Последних Коуршан никогда не видел: они не пробуждены в этом мире. Он знал только, что внешне люди похожи на все остальные народы и что век их короток.

Драконов Коуршан не любил: они во всем отличались от фениксов. Свою магическую силу драконы использовали, чтобы терзать земные недра и воевать с чудовищами, приплывающими в мирные моря из жуткого океана. Благое дело, но Коуршана каждый раз передергивало, когда на его глазах дракон принимал обличье гигантского крылатого ящера.

Оборотней Коуршан за жизнь видел всего несколько раз. Они жили на северном краю мира, умели превращаться в диких зверей по своему желанию, а еще управляли погодой. А вот эльфы, северные соседи, — частые гости на землях фениксов. Коуршан избегал никогда не спящий народ ночи и звезд. Необычная, не стихийная магия эльфов пугала его.

«И все же я им завидовал, — с грустью подумал он, переведя взгляд с полумесяца эльфов на настоящую луну. — И оборотням, и драконам... Они могут многое, что нам недоступно». В далекие мирные дни Коуршан не осознавал вес своих желаний. Его направлял Адзуна — первый среди фениксов, учитель всех народов. Он говорил, что сила, доступная всем Живущим на Земле, — верный путь. «Но разве это не против замысла Неру?» — спросил тогда Коуршан. «А на что нам дана свободная воля? — отвечал Адзуна. — И печать бога докажет, что наш замысел угоден Творцу».

— Печать бога... Семилепестковый перстень... так, кажется, его потом обозвали...

Коуршан никогда не сомневался в словах Адзуны. Как может Живущий на Земле судить избранного Великими Духами наставника, источник всех знаний о мире? Нет, Коуршан слушал и выполнял все, что ему говорили. Через некоторое время ему пришлось надолго уехать в столицу, а вернулся он слишком поздно...

— Мог ли я догадаться, что он на самом деле задумал? — спросил Коуршан у звезд. Те молчали.

Не было больше Адзуны. Остался лишь Оссэ — так звали Тьму на колдовском языке, и никак иначе Адзуну теперь не называли, желая забыть о нем навсегда.

На плечи Коуршана легло тяжелое бремя вины. Слепоту и наивность он хоть отчасти еще мог искупить, но струсив... Тысячекратно увеличил свой груз.

Пока он бежал, Руна — самая могущественная, самая добрая из фениксов, жена учителя народов — насмерть сражалась с порождениями греховных помыслов Адзуны. Теперь ее душа заключена в талисман огромной мощи, а тело обратилось в камень. Руна оставила всю свою силу в этом мире, из-за чего лишилась вечности, настоящей, бесконечной жизни, а не ее тленного подобия.

«Орхидею даровали, чтобы я вернул ее, — подумал Коуршан, теперь глядя на спиральное солнце фениксов, — иначе для чего мне жить? Мне, пыли под ногами Руны и Адз...»

Мысль оборвалась, но тут же продолжилась: «Я верну Руну, и ничто меня не остановит. Пусть я буду обречен, если не выполню обещание».

Наутро Коуршан узнал, что царь прекратил оплачивать строительство храма и отозвал всех рабочих. Прошел слух, что император дра-

конов готовит вторжение в царство фениксов. Он хотел навязать свои порядки миролюбивому (по его мнению — слабому) народу, а заодно и прибрать себе часть плодородных земель.

Царский советник посмел вслух сожалеть о храме. Злость охватила Коуршана, и он закричал:

— Твой приезд не дает Орхидее цвести! Ты упустил Оссэ! Будь ты проклят!

Едва отвратительные слова прозвучали, Коуршан испугался их и поспешил скрыться. Оказавшись на заповедном лугу за медной дверью храма, он упал на колени и заплакал. «Что я наделал? Кем возомнил себя? Я такой же, как Оссэ, в своей гордыне...» — шептал он почти в беспмятстве. Взял на себя непосильное бремя и сломался под его тяжестью.

Когда слезы перестали слепить, Коуршан увидел, что Орхидея расцвела. Над золотыми лепестками порхали бабочки, и, как в прошлый раз, они не смели их касаться. Коуршан медленно приблизился к границе озера, опасаясь или тайно надеясь, что перед ним лишь видение. Но цветущая Орхидея и не думала исчезать. Сердце бешено забилося. «Духи дают мне шанс за мое усердие, и замысел мой богоугоден», — подумал Коуршан.

Он тут же отправил гонца в столицу. Нетленное тело Руны обещали привезти за неделю

